

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ПРЕОСВЯЩЕННАГО ЛЕОНИДА

о Московскомъ митрополитѣ Филаретѣ.

Ноября 9. 1869. Москва.

Въ 1845 г. 30 Сентября, меня постригли, на Троицкомъ подворьѣ. Меня посвящаль владыка въ дьякона. Тутъ была матушка *). Владыка сказалъ ей: «отдайте его намъ», но мнѣ далъ урокъ почтенія къ матушкѣ. 1 Окт. въ Покровскомъ соборѣ (Василія Блаженнаго) митрополитъ посвятилъ меня въ пресвитера; видѣлъ матушку, которая брала у него благословеніе. Онъ привезъ меня въ соборъ и взялъ обратно въ свою карету. Когда мы отъѣзжали, матушка стояла близко и кланялась владыкѣ, который это замѣтилъ и что-то о ней спросилъ. Потомъ спросилъ, тепло ли было мнѣ въ шубкѣ.—Очень! отвѣчалъ я. Возьми ее себѣ, сказалъ владыка улыбаясь. Я благодарилъ и сказалъ, что я привыкъ къ тому, что онъ согрѣваетъ меня. Не успѣли проѣхать Красной площади, какъ владыка въ правое отворенное окно кареты поднялъ свою трость. Увидѣвъ ея конецъ, слуги тотчасъ остановили карету, и одинъ изъ нихъ подскочилъ къ дверцамъ. Владыка сказалъ ему только: «къ матушкѣ». Мы ѣхали по Срѣтенкѣ къ Сухаревой башнѣ; далѣе, по Садовой, не доѣзжая прихода Николы въ Драчахъ, повернули направо въ переулокъ, потомъ тотчасъ налѣво и остановились налѣво у воротъ сѣренькаго домика въ 5 оконъ на улицу. Владыка сказалъ мнѣ: иди на подворье и вели подать себѣ чаю. До подворья оставалось очень немного идти: только повернуть въ переулокъ направо, который упирается въ ворота Троицкаго подворья. Скоро владыка пріѣхалъ. Меня позвали наверхъ къ обѣду, который былъ приготовленъ въ малой столовой, какъ и въ два предшествующіе дня. Къ сожалѣнію не могу припомнить содержанія разговора; но кажется, онъ касался между прочимъ и политики. Къ вечернѣ я ѣздилъ

*) Мать преосв. Леониды (Краснопѣвкова) была изъ роду дворянъ Лосевыхъ, дѣдъ священникомъ Михайловскаго замка въ Петербургѣ, а отецъ дослужился до чина статскаго совѣтника, т. е. тоже до дворянства. Въ началѣ своего поприща Леонидъ находился подъ покровительствомъ своего родственника, извѣстнаго въ Москвѣ секретаря Общества Сельскаго Хозяйства, С. А. Маслова. П. Б.

въ Успенскій и другіе соборы, чтобы приложиться къ свитынь, но уже, конечно, не цугомъ, а на худенькомъ извозчикѣ. На другой день утромъ владыка благословилъ меня въ обратный путь и на дорогу подарилъ мнѣ самыя мелкія перламутровыя четки.

Вотъ какое назиданіе извлекъ я изъ его обращенія со мною. Ты довѣрился мнѣ, и я буду тебѣ отцомъ; но научись изъ моего примѣра, что ни монашество, никакое общественное положеніе не разрушаютъ законныхъ отношеній между матерью и сыномъ. Ты видишь: я усталый иду поздравить съ праздникомъ мать мою, но я не беру тебя съ собою, чтобы ты усвоилъ только духъ, а не форму этихъ отношеній.

Матушку владыки я видѣлъ однажды. Было это на скитскомъ праздникѣ. И коридоры, и тѣсную его келію переполнялъ народъ. На деревянной скамьѣ направо отъ входной двери, бокомъ къ окнамъ, сидѣлъ владыка и направо отъ него мать его. Онъ кушалъ чай, и она наклонялась принять у него благословеніе на чашку. Онъ съ веселымъ видомъ благословлялъ.

Родительница владыки скончалась въ глубокой старости, 20 Марта 1853 года. Была женщина примѣчательнаго ума, характера и благочестія. Владыка чтилъ ее глубоко и любилъ нѣжно. Кончина ея была тяжелымъ для него испытаніемъ, которое, какъ и другія, перенесъ онъ великодушно. Вскорѣ послѣ ея смерти кто-то говоритъ ему о смерти своей матери и прибавляетъ, что ему жаль ея, хотя та умерла уже въ старости. Владыка съ чувствомъ растроганнымъ замѣтилъ: «мать никогда не стара для сына».

*

1870. Сентября 10, 2 ч. пополудни.

За соборнымъ молебномъ стою по лѣвую руку владыки. Онъ начинаетъ читать Евангеліе. Вижу, нижній уголокъ немножко загнутъ, и думаю: хотя уголокъ нисколько не мѣшаетъ чтенію, но владыка сейчасъ расправитъ его. Что же? Какъ будто слышалъ онъ тайную мысль: рука его поднимается, расправляетъ и разглаживаетъ уголокъ, между тѣмъ какъ чтеніе продолжается.

Бѣлье, одежда, крепь на клобукъ, все всегда чрезвычайно опрятно: пятнышка терпѣть не могъ.

Дѣла ходилъ онъ въ черной шерстяной одеждѣ (на шелковой черной подкладкѣ), опоясанный по кафтану шитымъ поясомъ и болѣе длиннымъ, бѣлымъ креповымъ, котораго концы низко спускались съ лѣвой стороны. Онъ принималъ иногда въ спальнѣ; тамъ всегда заставляли

его въ одномъ полукафтаныѣ, и мнѣ всегда хотѣлось понять, какъ онъ умѣетъ запутывать кушакъ не дѣлая узла, но не понималъ.

Онъ никогда не носилъ бархатныхъ рясъ и на другихъ не любилъ: съестъ нельзя, тотчасъ обозначится, а это казалось ему и неприглядно, и неприлично.

У полукафтаныя дома рукава всегда были отстегнуты и отворочены. Поды дѣлались такъ широко, что не могли распахнуться.

Не хотѣлъ принять хитоновъ въ употребленіе вмѣсто кафтановъ, потому что хитонъ, какъ стихарь, или сорочка, или блуза, надѣваясь чрезъ голову, не имѣя талия, падаетъ складками, и надобно много употребить времени, чтобы всякій разъ послѣ опоясавія расправлять складки. Это я самъ слышалъ отъ него.

Платки дома были какіе-то пестрые льняной матеріи, а для выѣзда всегда батистовые, самые чистые, тонкіе. Употребляя ихъ, онъ очень изящно свивалъ ихъ. Одинъ господинъ, смотря на это въ церкви, даже и этимъ восхищался. У него, замѣчалъ онъ, и это обдуманно какъ серьезное дѣло *).

Да, однажды я любовался и на то, съ какою изящною небрежностію качаетъ онъ свою палку среднимъ и четвертымъ пальцомъ, вывернувъ ладонь руки. Я смотрѣлъ изъ оконъ своей келіи, когда онъ входилъ по Лавръ и Академіи преосвященнаго Тверскаго Гавріила.

Выѣзжалъ онъ всегда въ шелковомъ платьѣ цвѣтномъ, болѣе коричневаго цвѣта, и всегда со звѣздами, которыхъ никогда не употреблялъ на домашней одеждѣ, развѣ когда у него обѣдъ званый: тогда онъ надѣвалъ и шелковую рясу со звѣздами, и панатію, и бѣлый клобукъ. Рѣдко выѣзжалъ онъ безъ Владимирской ленты.

Лѣтомъ дома онъ носилъ кафтанъ изъ сѣросиневатой нитяной ткани, которую готовили ему въ женскомъ, кажется, Владычнемъ монастырѣ. Также изъ льняной матеріи глянцовитой, плотной съ желтизною. Въ этой онъ былъ однажды у меня, имѣя сверху коричневую рясу.

Онъ умывался много разъ въ день, частію для свѣжести лица, частію для освѣженія зрѣнія. У него баливали глаза, но онъ не прибѣгалъ къ другимъ лѣкарствамъ кромѣ свѣжей воды. Случалось, что

*) Бывавшіе на служеніи митрополита Филарета помнятъ, какъ къ концу облаченія посреди церкви подавали ему бѣлый батистовый платокъ; онъ слегка отиралъ имъ себѣ уста и бороду и, какъ-то изящно обернувъ о лѣвую руку, отдавалъ стоявшему слѣва чтецу, который принималъ платокъ въ раскрытую книгу и быстро ее складывалъ. Умѣлъ митрополитъ и кадить съ какою-то особенною легкостію. П. Б.

онъ по цѣлымъ днямъ ничего не читалъ и сидѣлъ зажимурясь. Секретарь производилъ чтеніе.

Всякій разъ, какъ надобно выходить къ посѣтителямъ, онъ, надѣвъ рясу и оправивъ ее, подходилъ къ комоду, вынималъ гребень и расчесывалъ волосы на головѣ и бородѣ, при чемъ взглядывалъ мгновенно въ зеркало, тутъ надъ комодомъ висѣвшее.

Кромѣ этого ему досталось отъ преосвященнаго Августина трюмо, которое стояло въ углу проходной комнаты между гостиною и спальнею, такъ что выходя онъ шелъ мимо зеркала и невольно видѣлъ себя. Но какъ онъ смотрѣлся въ это трюмо, я не видалъ; а видѣлъ неоднократно, какъ, прощаясь изъ гостиной и думая, что никто его не видитъ, дѣлалъ онъ на себѣ крестное знаменіе и поклонъ, касаясь рукою земли предъ иконою пр. Сергія большою, которая стояла прямо противъ двери изъ гостиной. Изъ за нея виденъ былъ портретъ митрополита Платона въ ростъ, въ полномъ облаченіи. Это, между прочимъ, видѣлъ я въ тотъ разъ, когда принесъ ему извѣстіе о покушеніи 4-го Апрѣля *).

Чтобы знать, какъ облаченъ онъ въподіаконами, аккуратно ли, онъ и въ алтарѣ Успенскаго собора иногда взглядывалъ въ зеркало, подходя къ царскимъ дверямъ при кажденіи послѣ малаго входа.

У него были руки простужены, особенно правая; кожа трескалась, и ему больно было; поэтому и дома носилъ онъ обыкновенно имъ употребляемые бѣлыя нитявыя перчатки.

Не точно знаю его день, но вотъ что помнится. Вставалъ онъ часовъ въ 5. Послѣ утренняго молитвословія, долго читалъ Библію, по большой книгѣ Елисаветинскаго изданія, которая теперь въ Московской Духовной Академіи, in folio. Обыкновенно онъ сидѣлъ на диванѣ, а на лѣвой сторонѣ къ ручкѣ дивана прислонена была книга. Онъ читалъ Св. Писаніе ежедневно, неопустительно, и эта книга сопровождала его въ дорогахъ. Въ 8 часовъ, ежедневно, кромѣ случаевъ болѣзней, онъ шелъ къ обѣднѣ. Слушалъ ее въ комнатѣ, называемой секретарскою, гдѣ онъ ставленниковъ испытывалъ, а въ алтарѣ выходилъ только послѣ освященія св. даровъ, для земнаго предъ ними поклоненія и непродолжительной предъ ними молитвы. Онъ выходилъ также и къ началу всенощной. Дьяконъ всякій разъ, при кажденіи, входилъ въ секретарскую почтить его кажденіемъ. Туда относили ему и антидоръ съ теплотою. Не въ церкви слушалъ онъ службы отчасти

*) Въ это время (1866) Леонидъ былъ уже епископомъ Дмитровскимъ и старшимъ викаріемъ Фидарета. П. Б.

потому, что опасался неровности воздуха, отчасти потому, что ему предписано было сколько возможно тѣло держать почти въ горизонтальномъ положеніи, что при чтеніи на диванѣ было очень удобно. При чтеніи, говорю; ибо онъ за службою слѣдилъ по книгамъ, никогда не сходявшимъ со стола этой комнаты. Ладанъ онъ любилъ. «Войдешь, и тамъ пріятный запахъ ладана», говорилъ онъ объ этой комнатѣ.

Онъ не сомнѣваясь разрѣшалъ зимою всенощныя съ вечера подъ условіями; однако любилъ онъ утреннюю службу. Вспоминая дѣтство, говорилъ, какъ въ зимнюю ночь, въ праздникъ, выйдешь изъ дому: тишина, а колоколъ поетъ. Примѣйте: поетъ. У него все и неодушевленное жило: такъ полонъ былъ онъ жизни. Онъ говорилъ: дѣло будетъ вамъ благодарно; тѣло мое пьетъ (весенній) воздухъ. О комарѣ онъ говорилъ слугѣ, зачѣмъ бьетъ его: ты не можешь возратить ему жизни, поэтому и не отнимай ее. У куста сирени обрѣзывали сучья. Не тронь: если тебѣ пальцы обрѣжутъ, каково тебѣ будетъ?

Послѣ обѣдни онъ тотчасъ начиналъ пріемъ просителей, начальствующихъ, посѣтителей, и день уже не принадлежалъ ему до вечера. Впрочемъ, онъ старался найти время, около 10½ часовъ, чтобы въ кабинетѣ выпить чаю. Если онъ имѣлъ дѣла, коими долженъ былъ заняться до обѣдни, то Священное Писаніе продолжалъ читать и послѣ обѣдни или во время чая. Обѣдалъ онъ часу во второмъ (иногда гораздо позже) въ малой столовой. Выходилъ въ ряску, молился, благословлялъ и садился на диванъ противъ окна. При гостяхъ, которыхъ онъ любилъ хорошо, отлично хорошо, угощать, онъ кушалъ почти всѣ кушанья; но обыкновенно, какъ говорить съ удивленіемъ В. И. Рахмановъ, врачъ его, онъ питался пикарной ухой и морковнымъ соусомъ, и это продолжалось лѣтъ 17, до кончины его. Послѣ обѣда кофе. Отдыхъ его послѣ обѣда состоялъ въ томъ, что онъ въ кабинетѣ садился на диванъ и нѣсколько опрокинетъ себя на локти обѣихъ рукъ, и ему читаютъ газеты и книги. Онъ все читалъ, за всѣмъ слѣдилъ, ничто не оставлялъ безъ вниманія, любилъ и разумѣлъ политику. Черезъ часъ или два часа времени, онъ опять работалъ перомъ. Въ 6 онъ кушалъ чай и продолжалъ работать, если его не отвлекали. Чай онъ пилъ самый высокій. Прежде кушалъ по три чашки: первую съ лимономъ, вторую съ виномъ, третью съ вареньемъ; но въ поздніе годы по двѣ. Иногда онъ требовалъ просфору и отламывалъ малый кусокъ, который, перекрестясь, вкушалъ. Иногда подавали ему на блюдечкѣ разрѣзанный на ломти бѣлый хлѣбъ, каждый ломоть былъ перерѣзанъ надвое вдоль. Это владыка называлъ ужиномъ и жаловался на то, что послѣ обѣда, при чтеніи, ему дремалось и требовался ужинъ, т. е. потому

что во снѣ или дремотѣ пища скорѣе переварилась. На замѣчаніе, что онъ мало кушаетъ, отвѣчаетъ: нѣтъ, я слишкомъ много ѣмъ. Если чувствовалъ себя простуженнымъ, то, часовъ въ 8, кушалъ чашку малпны, при чемъ съѣстъ и ягоду, какъ дѣлають дѣти, ибо чистыя и невинныя привычки дѣтей у него сохранились. Въ 10 часовъ онъ затворялся; но иногда и до полночи требовалъ секретаря, ибо случалось и ночь съ перомъ просиживать. Часто келейникъ входилъ оправить ночной свѣтильникъ и заставлялъ его, если не за бумагами, то за чтеніемъ акаѳистовъ; которое, по увѣренію Парѣенія *), производилъ онъ каждый вечеръ. Сначала онъ все самъ читалъ; но въ послѣдніе годы и дѣлалъ частію секретарь читалъ, а книги и большею частію секретарь. Когда онъ готовился къ служенію литургіи, то приказывалъ будить себя въ 4½; тотчасъ одѣвшись и умывшись, читалъ онъ правила и потомъ, если находилъ нужнымъ, отдыхалъ; оттого никогда не опаздывалъ къ служенію. Угрѣшскій архимандритъ отецъ Пименъ говорилъ, что когда служилъ онъ у нихъ въ монастырѣ, то послѣ всенощной тотчасъ въ постель ложился: значить, или всѣ правила вечернія у него прочитаны до всенощной, или онъ читалъ ихъ утромъ.

*

Петровское-Разумовское. Вечеръ 1 Іюня 1871.

Когда случалось представлять ему дѣла, гдѣ говорилось, какъ о заслугѣ, о томъ, что староста церковный покрылъ образа въ иконостасѣ сребро-позлащенными ризами, владыка, во-1-хъ, не хвалилъ то, что вошло въ обычай закрывать живопись, иногда очень хорошую, металломъ, а во-2-хъ, и почти при всякомъ случаѣ: «Къ чему это? Въдъ обдеруть!»

Говоря съ А. А. Нейдгартомъ, онъ взглянулъ на образъ и съ печалію сказалъ: «Не видно ничего утѣшительнаго для будущности Россіи».

Неоднократно говорилъ онъ, что Православная церковь въ Россіи въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ была она въ первые три вѣка, т. е. въ періодъ гоненій.

Сказалъ однажды мнѣ: «Петръ Великій такъ ударилъ по головѣ іерархіи, что весь организмъ разбился на куски». Когда ему было сказано, не надобно ли просить Государя Императора, чтобы освобождена была Православная церковь отъ покровительствъ, онъ возразилъ: «Нѣтъ, надобно просить Государя Императора, чтобы и Православной церкви оказывалось хотя столько же покровительства, сколько оказывалось въ Россіи всѣмъ инымъ вѣроисповѣданіямъ».

*) Келейникъ.

О своемъ положеніи въ Синодѣ говорилъ: «Во все время только и дѣлали, что мнѣ мѣшали».

Однажды, предъ отъѣздомъ его въ Петербургъ, присылаетъ къ нему извѣстный юродъ Иванъ Яковлевичъ сказать: «Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ». «И точно, прибавлялъ владыка, когда я пріѣхалъ въ Петербургъ, то обстоятельства показали, что я былъ въ опасности и что слова Ивана Яковлевича оправдались. Когда императоръ Николай Павловичъ посѣтилъ Синодъ, то говорилъ похвалу митрополиту Серафиму, а на меня взглядывалъ такъ, что эти взгляды трудно было выдерживать».

Князь С. М. Голицынъ говорилъ мнѣ, что однажды императоръ Николай Павловичъ и митрополитъ Филаретъ разѣхались на Московско-Петербургской дорогѣ. Государь ѣхалъ въ Москву, а митрополитъ въ Петербургъ. По пріѣздѣ, Государь сказалъ князю: «Твой митрополитъ встрѣтился мнѣ на дорогѣ. Онъ вышелъ изъ кареты и поклонился; а я проѣхалъ, сдѣлавъ видъ, будто сплю» *).

На эти непріятныя отношенія имѣло, между прочимъ, вліяніе слѣдующее обстоятельство. Князь Дм. Вл. Голицынъ сказалъ Государю, что у митрополита Московскаго такія соображенія, которыя могли бы быть полезны въ Государственномъ Совѣтѣ. Эти слова были поняты какъ внушеніе самого митрополита. Когда, черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ удаленія митрополита изъ Петербурга, Государь увидѣлся съ нимъ въ Москвѣ, то сказалъ, что пребываніе въ Москвѣ произвело на митрополита благотворное вліяніе (т. е. въ духовномъ отношеніи).

Примиреніе, если такъ сказать можно, сколько видно было мнѣ, послѣдовало въ 1851 году. Государь расположился торжественно праздновать свое 25-лѣтіе въ Москвѣ. Онъ ожидалъ сочувствія отъ сословій, нашелъ холодность. Онъ былъ глубоко оскорбленъ. За то тѣмъ глубже его рыцарскую душу тронуло сочувствіе митрополита Филарета, который прекраснымъ даромъ прекрасно связалъ этотъ день съ памятію 1812 года. На свои деньги (6000 р.) онъ сдѣлалъ изъ золота голубя,

*) Была и другая встрѣча, на той же дорогѣ, на одной изъ тогдашнихъ великолѣпныхъ станцій. Съ Государемъ былъ министръ двора князь П. М. Волконскій. Филаретъ спросилъ его, не можетъ ли онъ представиться Государю. Князь пошелъ доложить, не притворивъ двери той комнаты, гдѣ находился митрополитъ, которому и довелось услышать грозный и оскорбительный для него отзывъ Государя. (Со словъ барона М. Л. Боде-Колычева, слышавшаго, какъ о томъ передавалъ впослѣдствіи отцу его князь Волконскій, который, въ полномъ смущеніи, долженъ былъ сказать митрополиту, что Государь усталъ отъ дороги и не можетъ его принять). П. Б.

который теперь на золотыхъ цѣпяхъ спускается надъ престоломъ Успенскаго собора, въ изображеніи Св. Духа, и служить дарохранительницею. Владыка не предварилъ объ этомъ Синодъ, чтобы, какъ сказали онъ мнѣ, «не помѣшали». Когда все было готово, онъ пригласилъ благочинныхъ, объявилъ имъ свою мысль поднести голубя Государю отъ имени Московскаго духовенства, съ приличною надписью, которая начерчена на золотомъ свиткѣ, прикрѣпленномъ къ голубю. (Этимъ, кажется, и ограничилось участіе духовенства). Наганунъ голубь былъ освященъ самимъ владыкою въ Успенскомъ соборѣ, яко дарохранительница, и чрезъ кого слѣдовало представлень Государю, а на утро утвержденъ на своихъ цѣпяхъ подъ сѣнію престольною.

Владыка получилъ панегію брилліантовую съ изумрудами (дорогую, но не очень красивую), и рескриптъ былъ врученъ ему во время самой литургіи, которую онъ совершалъ въ соборѣ. На литургіи въ соборѣ Государя не было (вѣроятно, былъ во дворцѣ), а въ соборѣ былъ онъ на молебнѣ, назначенномъ въ часъ. Съ нимъ были августѣйшее семейство и дворъ. Послѣ молебна, подавая Государю крестъ для цѣлованія, митрополитъ говорилъ ему привѣтственные слова (кромѣ того, что сказано у дверей собора и напечатано). Когда Государь въ предшествіи митрополита обошелъ святыню и остановился съ нимъ предъ царскими вратами на солеѣ, въ ожиданіи прочихъ членовъ царской фамиліи, подходившихъ послѣ него къ святынѣ: тогда оба они, царь и святитель, смотрѣли въ алтарь и говорили, вѣроятно, о голубѣ, который былъ надъ престоломъ до 1812 года и тогда похищенъ, и который со дня 25-лѣтія Николая Павловича будетъ снова виденъ на томъ же мѣстѣ, и тѣмъ завершится возстановленіе древней столицы послѣ разгрома 1812 года. Должно быть, что-то глубоко тронуло Державнаго, ибо онъ очень благовоительно слушалъ владыку, что-то отивчалъ ему, неоднократно глубоко наклонялся и цѣловалъ руку владыки. Не всѣ черты этого момента памятны мнѣ; но до сихъ поръ живо впечатлѣніе, произведенное на меня. Я стоялъ въ числѣ архимандритовъ (на лѣвой сторонѣ), и мнѣ хорошо было все это видно, такъ какъ Государь стоялъ нѣсколько вправо отъ царскихъ вратъ, обратясь къ нимъ, а владыка передъ серединою ихъ, обратясь къ Государю. Сердце мое играло радостію. Мнѣ ясно было значеніе этой минуты. Смиреніемъ, молитвою и любовію митрополита побѣждено было предубѣжденіе Государя. Рыцарское сердце Николая I покорено было этимъ дѣйствіемъ евангельскимъ. Испорченный день былъ поправленъ, пустота наполнена, охлажденное взволнованное сердце согрѣто, успокоено; кѣмъ же? Однимъ изъ архіереевъ, которыхъ всѣхъ онъ подо-

зрѣвалъ въ желаніи преобладанія надъ паствою, и этотъ архіерей былъ Филаретъ, преимущественно заподозрѣнный, преимущественно нелюбимый, преимущественно оскорбленный. Другому это было бы песточникомъ новаго неудовольствія, ибо увидѣлъ онъ побѣду надъ собою врага своего; но Николай Павловичъ былъ рыцарски честенъ, онъ оцѣнилъ дѣйствіе митрополита и старался показать, какъ онъ ему благодаренъ, какъ онъ тронуть. Дорого было красное япчко къ свѣтлomu дню *).

*

2-е Іюня.

О Государь Императоръ Николай Павловичъ владыка говорилъ. Въ началѣ царствованія, вѣроятно желая показать, какъ ему трудна его обязанность, какъ должно снисходить къ нему, и какъ должно цѣнить одобрительныя его дѣйствія, сказалъ онъ владыкѣ: «Меня готовили въ бригадные генералы». О религіозномъ образованіи своемъ Государь говорилъ ему: «Если я имѣю какія свѣдѣнія, то обязанъ ими брату Александру, а не законоучителю своему». Владыка говорилъ, что нѣкоторыя резолюціи императора Николая Павловича удивляли его (такого мастера) основательностію сужденія, ясностію, точностію, послѣдовательностію изложенія; за то другія также удивляли отсутствіемъ всѣхъ этихъ достоинствъ.

Генераль-отъ-инфантеріи Кипріановъ просилъ развода съ женою (изъ купеческаго званія). Дѣло прошло всѣ инстанціи, вошло въ Синодъ, было одобрено всѣми, кромѣ владыки, который настоялъ на своемъ, и развода не дано. Государь бралъ сильное участіе въ генеральѣ и былъ недоволенъ рѣшеніемъ Синода. Въ Анничкинѣ дворцѣ митрополитъ откланивался Государю предъ отправленіемъ въ епархію на лѣтнее время. Государь завелъ рѣчь о дѣлѣ Кипріанова: «Я не убѣжденъ рѣшеніемъ Синода». Владыка сказалъ: «Прискорбно, что мы не умѣли достаточно ясно изложить свои доводы; но повѣрьте намъ, въ многочисленіи дѣлъ невозможно входить въ подробности каждаго; мы же постоянно обращаемся въ этихъ дѣлахъ и, смѣю думать, что дѣйствуемъ по доброй совѣсти». Государь сказалъ въ заключеніе: «Я и не спорю съ синодальнымъ опредѣленіемъ; но повторяю, я не убѣжденъ». Кстати сказать, что послѣдствія оправдали владыку. Прошли годы. До-

*) Въ Кремлевскомъ дворцѣ былъ тогда большой царской обѣдъ. Помню, какъ вернувшаяся съ этого обѣда графиня Анна Алексѣевна Баранова, привыкшая съ дѣтства уважать Филарета (посѣщавшаго иногда ея родителей), рассказывала про необычайное вниманіе, которое оказывалъ Государь митрополиту: онъ просто ухаживалъ за нимъ и прощаясь проводилъ его до самой его кареты. При этомъ графиню удивило и слишкомъ угодливое обращеніе престарѣлаго владыки съ малолѣтними внуками Государя: онъ переходилъ за ними съ мѣста на мѣсто, съ непристойною его сану подвижностію, цѣловалъ у нихъ руки и пр. П. В.

кладываютъ о генералѣ и генералышѣ Кипріяновыхъ. Входятъ старички, преклоняются предъ святителемъ и съ умиленіемъ благодарятъ его, что онъ помѣшалъ расторженію союза, который теперь составляетъ счастье ихъ на закатѣ жпзни.

По кончинѣ Императора Николая Павловича, нѣкоторые говорили, что владыкѣ надобно безъ приглашенія ѣхать въ Петербургъ на погребеніе, дабы доказать свою преданность и незлобіе къ почившему. Владыка сообщилъ этотъ совѣтъ князю С. М. Голицыну, и тотъ нашель, что такое дѣйствіе показалось бы при дворѣ неумѣстнымъ, и успокоилъ владыку. Все семейство Голицына было всецѣло предано владыкѣ. Князь Сергій Михайловичъ непремѣнно въ каждыя двѣ недѣли разъ посѣщалъ владыку въ Москвѣ, обыкновенно вечеромъ въ Воскресенье. И владыка посѣщалъ его въ Москвѣ и въ с. Влахернскомъ. Эту послѣднюю поѣздку онъ соединялъ съ посѣщеніемъ своей Перервы, гдѣ обыкновенно слушалъ въ тотъ день литургію. Близость князя ко здору и опытность его въ придворной жизни служили на пользу іерарху, обязанному имѣть иногда сношенія и со дворомъ *).

Вотъ примѣчательныя изреченія владыки о будущемъ. Довольно за долго (сколько лѣтъ, не упомню) до смерти своей, онъ говорилъ Андрею Николаевичу Муравьеву: «Когда смотрю на дѣтей, плакать хочется, при мысли, что бѣдныхъ ихъ ожидаетъ, какъ выростутъ». Незадолго (за годъ, за два) до кончины онъ передавалъ мнѣ содержаніе превосходнаго письма его къ преосвященному Алексію Таврическому (нынѣ архіепископу Рязанскому) по дѣламъ о расколѣ. Выслушавъ, я изъяснилъ сожалѣніе о томъ, что владыка не приказалъ секретарю своему хотя содержаніе записать. «Для чего это?» спросилъ владыка.—Для будущаго, отвѣчалъ я. Тогда владыка сказалъ съ особенно сильнымъ выраженіемъ въ голосѣ и движеніемъ лица, что въ будущемъ онъ видитъ такую надъ нами тучу, что когда она разразится, люди отъ силы удара даже способность потерять вспомнить, что было до грозы. Мѣсяца за два до кончины онъ говорилъ намѣстнику Сергіевой Лавры, что онъ начинаетъ видѣть свое прошедшее гораздо яснѣе, нежели прежде. Намѣстникъ рѣшился спросить: «И будущее?»—И будущее, сказалъ владыка.—Что же видите вы въ будущемъ?—«Грозную тучу, идущую на насъ съ Запада».

.*

*) Позднѣе въ этомъ отношеніи полезна была митрополиту Филарету жившая въ Москвѣ у своей бабушки ѳрейлина Екатерина Федоровна Тютчева. См. о ней въ „Русскомъ Архивѣ“ 1882, I, 560. П. Б.

Іюня 3.

Владыка былъ чувствителенъ къ природѣ, но любовь къ ней подчинялъ долгу и потому мало жилъ за городомъ. Онъ пріѣзжалъ въ Лавру на Троицынъ и дважды на Сергіевы дни и оставался недолго. Но въ послѣдніе годы проводилъ тамъ все лѣто и возвращался осенью. Однажды весною въ его гостиной мы докладываемъ, а онъ ходитъ. Вдругъ призываетъ насъ къ окну, улыбается, какъ дитя, и говорить: «посмотрите!» Дѣйствительно, было что посмотреть: заходящее солнце бросало на новую свѣжую листву большихъ деревьевъ самый ослѣпительный свѣтъ, который, дробясь по переднимъ вѣтвямъ и листьямъ, горя на нихъ зеленымъ золотомъ, убѣгалъ въ глубину, и тамъ въ безчисленныхъ тѣняхъ и оттѣнкахъ переливаясь, теряясь, снова появляясь, превратилъ обыкновенныя растенія во что-то фантастическое.

Онъ любилъ цвѣты, но пахучіе. На экзаменахъ передъ нимъ всегда клали букеты цвѣтовъ, и въ продолженіе засѣданія онъ нѣсколько разъ взглянетъ на букетъ, возьметъ его, понюхаетъ и положить; если это цвѣтокъ отдѣльный, онъ, понюхавъ, отброситъ его, какъ-то особенно ловко. Непахучія георгины онъ велѣлъ вырвать изъ Пафнутаева сада (въ Лаврѣ). Не помню къ чему онъ сказалъ, что ему всякій день при входѣ въ комнату, изъ которой онъ слушалъ обѣдню, пріятенъ запахъ ладана. Онъ не терпѣлъ, чтобы курили порошкомъ въ церкви; но комнаты его послѣ обѣда непременно окуривались.

Онъ былъ знатокъ пѣнія, которому дѣдъ обучалъ его, держа его, ребенка, на колѣняхъ. Былъ мастеръ играть на гусляхъ, и гусли стояли въ его келіи даже когда онъ былъ викаріемъ въ Петербургѣ. Любилъ музыку старыхъ Нѣмецкихъ композиторовъ. О новѣйшей говорилъ, что она, въ соотвѣтствіе духу времени, имѣетъ характеръ революціонный. Не любилъ, когда безъ нужды устрояютъ колокола, въ ущербъ другимъ требованіямъ благолѣпія церковнаго; но любилъ и колокольный звонъ. О гармоніи цвѣтовъ (couleurs) онъ говорилъ, что несоотвѣтствіе цвѣтовъ производитъ на зрѣніе тоже дѣйствіе, какое производятъ на слухъ диссонансы въ музыкѣ. Онъ былъ даже пловецъ отличный. Гуляя по Корбухѣ, онъ сказалъ отцу-намѣстнику, указывая на прудъ. Здѣсь при митрополитѣ Платонѣ я съ крыломъ ходилъ. Зная, что ходить съ крыломъ искуснѣйшій въ плаваніи рыболовъ, если мѣсто глубоко, а въ прудѣ глубина большая, намѣстникъ замѣтилъ: «стало быть, вы отлично плавали». Владыка отвѣтилъ: «извѣстно!»

Взирая на природу, какъ на твореніе Божіе, художникъ въ душѣ не терпѣлъ подстриженныхъ деревьевъ. Случилось увидѣть, какъ са-

довникъ безъ нужды обрѣзывалъ вѣтви дерева. «Каково тебѣ, сказали владыка, если тебѣ обрѣжутъ пальцы?» «Мнѣ и старая Виѳанская береза дорога», писалъ онъ къ отцу Антонію. Слуга убилъ комара въ скиту, гдѣ ихъ страшное множество. «Возврати ему жизнь», сказали онъ убійцѣ комара.—Не могу.—«Зачѣмъ же отнимаешь то, чего возвратить не можешь? Отгони, а не убивай».

15 Мая 1861 я засталъ его въ полдень въ саду. Утро хорошее было. Владыка сказалъ: «Тѣло такъ и пьетъ воздухъ.» Собираясь въ Лавру на лѣто, говаривалъ: «Не могу вырваться изъ Москвы». Но при этомъ какъ мало могъ онъ пользоваться загородною жизнію для здоровья! По возвращеніи изъ Лавры, сказалъ мнѣ: «Врачъ велѣлъ мнѣ имѣть движеніе. Дѣйствительно при переѣздахъ изъ Лавры въ скитъ, раза два-три выходилъ я изъ кареты, чтобы пройтись. Велѣлъ пить молоко: раза два-три пилъ я чай съ молокомъ. Вотъ и все».

Когда въ 1857 отправлялся я, по его благословенію, въ Перерву, надо было купаться. Онъ говоритъ: «Вели игумену, чтобы сдѣлалъ купальню. Можетъ быть, и мнѣ пригодится», хотя онъ довольно зналъ, что для него не пригодится; ибо онъ только въ первой молодости плавалъ, а съ поступленія въ монашество вѣроятно никогда, ибо такова была его монашеская стыдливость, что никто никогда не видалъ его обнаженнымъ. Онъ любилъ баню, ходилъ въ нее всякую недѣлю, но и раздѣвался и мылся безъ сторонней помощи, совершенно уединенно. Все нужное для него приготовить и выйдуть; проводить его до бани и ожидать внѣ его выхода. Но однажды отецъ Анастасій, іеромонахъ и врачъ, предложилъ владыкѣ чѣмъ-то натереться въ банѣ и самъ вызывался натереть его. Владыка склонился было; но когда вошелъ въ баню, и надобно было раздѣваться, тихо обратился къ отцу Анастасію и сказалъ ему: «извини меня». Анастасій вышелъ, и онъ одинъ остался натираться и мыться. Этотъ отецъ Анастасій рассказывалъ, что, будучи экономомъ подворья въ Москвѣ, 1) когда представилъ онъ владыкѣ докладъ о томъ, чтобы маленькимъ пѣвчимъ сдѣлать волчьи шубы, владыка написалъ въ этомъ родѣ: «Зачѣмъ бы облекать птенцевъ въ одежду волчью? Впрочемъ, утверждается». 2) Однажды владыка запоздалъ на Кузьминкахъ у князя Сергія Михайловича; возвратясь на подворье и входя на лѣстницу, онъ спросилъ: давно ли кончилась всенощная?—Она еще и не началась.—«Почему?»—Васъ ожидали.—«Св. Церковь никого не ждетъ».... На утро сзываетъ всю братію и говоритъ Анастасію: «Вчера я оскорбилъ тебя наединѣ, сегодня прошу прощенія предъ всѣми». Послѣ этого пошелъ въ церковь совершать литургію. 3) Входитъ утромъ о. эконоомъ съ извѣстіемъ о кон-

чинѣ брата владыки, который былъ въ Коломнѣ протоіереемъ и котораго владыка очень любилъ. Что же? Онъ благоговѣнно взглянулъ на образъ, перекрестился и сказалъ: «Лошадей, ѣхать въ Коломну».

Монахиня просила его дать ей правило. Владыка посовѣтовалъ: 1) ни одного дня не оставлять безъ чтенія Евангелія, хотя нѣсколькихъ строкъ; 2) не оставлять соборной молитвы, т. е. церковной и 3) искать или, по крайней мѣрѣ, не пропускать случаевъ къ упражненію себя въ дѣлахъ любви.

Пріемъ у него продолжался до обѣда, который, если не пріятствовали, происходилъ во второмъ часу и состоялъ когда-то изъ нѣсколькихъ блюдъ (говорилъ Александръ Петровичъ Святославскій), а въ послѣднія 17 лѣтъ (говорилъ Владимиръ Ивановичъ Рахмановъ) изъ пискарной ухи и морковнаго соуса. Къ обѣду выходилъ въ малую столовую, всегда въ рясѣ и скуфьѣ. Столъ былъ круглый, его мѣсто на диванѣ. Предъ началомъ обѣда тихо и благоговѣнно прочитаетъ онъ «Отче нашъ» и благословитъ трапезу и по окончаніи тихо возблагодаритъ Господа. По совѣту врача Высотскаго онъ пилъ рюмку мадеры настоенной горькими травами, ѣлъ кусокъ икры съ бѣлымъ хлѣбомъ и въ непостный день яйцо въ смятку, и затѣмъ принимался за уху. Послѣ обѣда пилъ чашку кофе, но не со сливками, которыхъ не употреблялъ, а съ молокомъ или «миндалемъ», какъ онъ называлъ молоко миндальное. Послѣ обѣда самъ читалъ, или ему читали газеты и книги. Потомъ онъ брался за дѣла и если не прерывали, работали до ночи. Только въ 6 часовъ приносили чай, и онъ пилъ одну чашку съ лимономъ, вторую съ виномъ, третью съ вареньемъ; за нѣсколько лѣтъ предъ кончиною сталъ пить только двѣ, вмѣсто третьей пилъ часовъ въ 8 чашку малины или земляники, ибо нерѣдко чувствовалъ ознобъ. Случалось, что потребуетъ просфору и бѣлый хлѣбъ, немного вкуситъ и однажды сказалъ: оттого, что дремалъ послѣ обѣда, теперь потребовался ужинъ; подъ ужиномъ разумѣлъ онъ ломтикъ бѣлаго хлѣба. Передъ сномъ онъ читалъ акаѣисты и прочее вечернее правило. Въ 10 часовъ запирался, но ложился поздно; иногда около полуночи требовалъ секретаря.

Каждый воскресный и праздничный день совершалъ литургію; если болѣзнь не позволяла, то, не служа, пріобщался въ маломъ общаженіи. Его вѣра была не кидаящаяся каждому въ глаза, но глубокая, твердая. Въ Алексѣевскомъ монастырѣ священникъ отслужилъ литургію, пришелъ домой и умеръ. Предъ владыкою выражено было сожалѣніе, что почившій іерей умеръ безъ исповѣди. Владыка разсѣялъ

опасенія. Его основанія были такія. Мірянину Церковь повелѣла не иначе приступать къ св. тайнамъ, какъ по исповѣди. И священнослужащимъ всѣхъ трехъ степеней заповѣдуетъ очищать совѣсть таинствомъ покаянія дважды въ Великій постъ и по разу въ прочіе три поста; но затѣмъ разрѣшаетъ имъ, если нѣтъ смертнаго, или особенно тяготящаго душу грѣха, служить безъ приготовленія. Если уже Церковь это разрѣшаетъ, то конечно, по крѣпкому убѣжденію, что это безопасно для душъ, и не только не вредно, но и душеспасительно, такъ какъ средины нѣтъ: причащеніе можетъ послужить или ко осужденію или ко спасенію. Какъ тотъ, кто дурно исповѣдался, не имѣлъ ни сокрушенія о грѣхахъ, ни желанія исправленія, ни искренней исповѣди, можетъ и тотчасъ послѣ исповѣди принять въ таинствѣ осужденіе себѣ; такъ и безъ исповѣди къ причащенію приступающій священнослужитель можетъ таинство пріять во спасеніе себѣ, если онъ внимательно готовилъ себя молитвою и приступалъ съ вѣрою, любовію и страхомъ Божиимъ. Тогда св. причастіе совершенно очищаетъ и освящаетъ его душу. Если, не потушивъ благодати поселившейся въ него, онъ умретъ: то нѣтъ сомнѣнія въ отпущеніи ему грѣховъ и въ спасеніи.

Хотя владыкъ не нравилось слово пресуществленіе, но единственно изъ опасенія, что оно можетъ повести къ Латинской крайности, и что слово предложеніе употребляемое отцами, принятое ими въ литургію, совершенно достаточно, и имъ все выражено. Владыка предпочиталъ слово Церковію избранное по благодати духа и вѣровали въ таинство вполнѣ православно, какъ вѣровали св. апостолы и отцы всѣхъ вѣковъ. Лицо его сіяло и духъ веселился даже, когда онъ только слушалъ литургію, и знали, кому это нужно было, что онъ особенно благодушенъ по выслушаніи литургіи. При совершеніи оной и пріобщеніи онъ нерѣдко плакалъ, и особенно сильно растроганъ былъ онъ и обильны были его слезы при совершеніи литургіи въ день его кончины. Всегда имѣлъ благочестивый обычай по прочтеніи молитвы «Вѣрую Господи» осѣнить лицо свое крестообразно Св. Тѣломъ, бывшимъ въ рукѣ его, осторожно коснуться въ тоже время имъ до очей своихъ и тогда принять его устами. И было по вѣрѣ его: и умъ его, и тѣлесное зрѣніе служили ему вѣрно до 85 лѣтняго возраста. Даже можно сказать, что по мѣрѣ умноженія лѣтъ умножался свѣтъ его духовнаго зрѣнія, такъ что онъ самъ за мѣсяць или два до кончины сказалъ отцу Антонію: Я вижу яснѣе свое прошедшее, нежели видѣлъ донинѣ. «А будущее?» спросилъ о. Антоній. «Да и будущее». И это тѣмъ доказывается, что его предреченія о будущемъ начинаютъ сбываться,

его глубокий взглядъ на настоящее начинаетъ быть понятенъ, и его пріемлютъ. Нерѣдко повторялъ онъ: «Не говорю ли я, что мы идемъ къ хаосу?» «Не хаосъ ли это?» и т. п. И приводилъ мѣста изъ пророковъ, гдѣ говорится о томъ, какъ Богъ ослѣпляетъ умы и отнимаетъ разумъ у разумныхъ, и церковное время называлъ временемъ Лаодикійской церкви, апокалипсически. При этомъ примѣчательны были его обозрѣнія событій въ Европѣ и у насъ, приводимыя въ доказательство.

Тѣло его, слабое отъ природы, нѣсколько ветшало, но духъ поддерживалъ его. Если и не отрицать, что крѣпкій ароматическій чай утромъ и вечеромъ освѣжалъ, юнилъ старца: то это ничтожно въ сравненіи съ внутреннимъ огнемъ, которымъ онъ пламенѣлъ, который возгрѣвалъ въ молитвѣ, который бросалъ лучи сквозь его каріе глаза, оттѣненные прекраснѣйшими бровями. Особенно хороши были эти глаза, когда, при вниманіи къ чужому живому слову или чтенію, они чуть-чуть суживались, огонь ихъ сокращался, и взоръ былъ неподвижно устремленъ, какъ бы испытывая собесѣдника или всматриваясь въ самый предметъ его рѣчи, его зрѣнія. Невозможно было выдержать этого копья; но если онъ не хотѣлъ, чтобы его поняли, онъ тотчасъ уклонялъ свой взоръ при встрѣчѣ съ взоромъ собесѣдника. Нелегко было ему сохранить драгоценный органъ зрѣнія до конца дней. Съ 1837 г. владыка уже употреблялъ очки.

Разсказывали мнѣ, думаю, еще въ Петербургѣ, что г. Прянишниковъ попросилъ у владыки денегъ; онъ вынесъ ему 500 р. и сказалъ: «дѣлюсь пополамъ тѣмъ что имѣю». Бухаревъ (бывшій архимандритъ Θεодоръ) сказывалъ кому-то, что онъ получалъ вспоможеніе постоянное, откуда не зналъ до тѣхъ поръ пока со смертію владыки оно прекратилось. Это тотъ Бухаревъ, который самъ говорилъ, что монашество оставляетъ главнымъ образомъ оттого, что не позволяютъ ему толкованіе на Апокалипсисъ печатать, а это запрещеніе исходило отъ владыки, который, защищая Θεодора, обвиняемаго въ ереси, выписалъ нѣсколько мѣстъ и заключилъ: «Гдѣ тутъ еретикъ? Просто безтолковый».

Владыка старался смирять себя и являться монахомъ, но онъ рожденъ былъ архіереемъ, и въ немъ было нѣчто истинно-царственное. Когда называли его вельможей, А. Н. *) сказалъ: нѣтъ въ немъ ничего такого, а есть *comme il faut*, что выше. Въ иностранныхъ газетахъ, въ описаніи коронаціи 1856 г., замѣчено, что, судя по манерамъ митрополита Московскаго, надобно заключить, что онъ происхожденіемъ принадлежитъ къ высшему дворянству.

*) Муравьевъ. П. Б.

Онъ выѣзжалъ всегда въ 6 лошадей, цугомъ, съ двумя лакеями; лошади были вороной масти, большія, шоры Нѣмецкія съ серебряными украшеніями. Кучера въ треугольныхъ шляпахъ съ золотымъ позументомъ и въ синихъ сюртукахъ; лакеи въ синихъ шинеляхъ или сюртукахъ и фуражкахъ. Въ карету клали кольцообразную воздушную подушку для сидѣнья; отпирали одно окно съ боку и одно спереди. Палку онъ вкладывалъ верхнимъ концомъ въ басонную петлю для руки. Были кареты у владыки и четырехмѣстныя и двумѣстныя. Онъ сидѣлъ на срединѣ, выпрямившись и смотрѣлъ въ обѣ стороны, чтобы не были недовольны тѣ, кои ему кланялись и ожидали благословенія. Отъ усерднаго благословенія въ зимнее время у него сдѣлалась боль въ правой рукѣ. Кожа сохла и трескалась; мазей онъ не терпѣлъ; мылъ руки водою нехолодной и носилъ нитяныя бѣлыя перчатки даже въ комнатѣ.

Владыка описывалъ одежду военныхъ Екатерининскаго времени. У офицеровъ мундиръ зеленого пріятнаго цвѣта съ отворотами, шпага тонкая, не столько для того, чтобы ею колоть людей сколько, кажется, для фехтованья, шляпа треугольная, но красивой формы; видъ вообще былъ изящный. У солдата были широкія и длинныя куртки, Суворовскаго изобрѣтенія, подъ которыя можно было поддѣть полушубокъ, бѣлыя прямые перевязи, каски, поднятый козырекъ, надъ нимъ мѣдный ободъ съ мѣдною впереди бляхой, сама тулья въ формѣ круглаго картуза, черезъ который съ одного уха на другое перегибался панаха изъ конскаго волоса, что давало солдатамъ страшный воинственный видъ и защищало голову отъ ударовъ, ибо сабля встрѣчала проволоку подъ волосомъ. Мы бывало любовались, когда солдаты караульные выходили къ зарѣ, проиграютъ барабанъ и флейта, снимутъ каски, прочитаютъ молитву Господню. При формѣ Павловской особенно безобразны были букли насаленныя, и труденъ былъ пріемъ: отъ ноги на плечо одною рукою переносимое ружье.

Разговоръ былъ по поводу Вигеля.

Петръ переломалъ многое своею дубиной, но можно было бы исправить. Всего болѣе зла надѣлала Екатерина. Окружающіе творили что хотѣли. Разграбили церковное имущество. Примѣръ былъ дурной... Если бы Александръ жилъ долѣе, да не облѣнился и не ввѣрился Аракчееву: то многое исправилось бы. Съ 1815 по 1825 г. С.-Петербургъ перемѣнился, сталъ степеннѣе, при дворѣ жизнь была скромная. Государь былъ человѣкомъ вѣрующимъ, сталъ жить чисто, имп. Марія была настоящая матрона, величавая. Елисавета Алексѣевна видно, что человѣкъ умный, но самоуглубленный, не общительный. Были при

дворѣ обѣды, на балахъ всѣ трое принимали участіе, только прохаживаясь въ польскомъ; балы продолжались отъ 9 до 11 часовъ, люди съ пятнами на репутаціи были удаляемы отъ двора, обращеніе Государя было такое благородное, въ словахъ ничего пошлаго, неприличнаго.

Митрополитъ Амвросій былъ другъ съ Платономъ, когда еще былъ въ Казани. Гавріиль, видя, что силы ослабѣваютъ пригласилъ Амвросія въ С.-Петербургъ по соглашенію съ Императрицей, чтобы сдѣлать преемникомъ себѣ. Амвросій зналъ, что между митрополитами неладно, и объѣхалъ Москву. Митрополитъ Платонъ, прямодушный, искренній, видя увертку, сказалъ: экъ онъ колесить, и прекратилъ съ нимъ переписку; но Амвросій продолжалъ питать къ нему уваженіе глубокое. Въ 1812 году онъ старался узнать, гдѣ владыка Платонъ, узналъ, тотчасъ послалъ къ нему письмо; но оно возвратилось нераспечатанное: оказалось, что оно было послано въ день смерти Платона. При Екатеринѣ нуженъ былъ такой человекъ какъ Гавріиль, ума сильнаго, и хотя убѣжденій вполне христіанскихъ, но направленія философскаго. Съ Павломъ не зафилософствуешься: онъ и не выслушаетъ половины. Амвросій былъ очень находчивъ и умѣлъ вывертываться, такъ что Павелъ даже оставался управленіемъ церковнымъ доволенъ болѣе нежели другими, и неоднократно изъявлялъ удовольствіе Синоду. Только одного Вологодскаго епископа по указу смѣстилъ по дошедшимъ слухамъ ¹⁾. Но Амвросій держался правила—проступки значительныхъ лицъ въ духовенствѣ покрывать и однажды сдѣлавшихся пріятными ему людей вести и покровительствовать, во что бы ни стало ²⁾.

(Извлечено изъ IX-й части Сборника П. П. Шуркина).

¹⁾ По „Спискамъ Іерарховъ“ (Строева) это былъ Арсеній Тодорскій. П. Б.

²⁾ Когда я спросилъ митрополита Филарета объ Амвросіи, владыка отвѣчалъ мнѣ: Заслуга Амвросія въ томъ, что въ царствованіе Павла умѣлъ онъ оберегать нашу церковь отъ грозившихъ ей опасностей. П. Б.